

КОГДА ВЕРНЕМСЯ В НАШИ СЕЛА?..

День был обычный — солнечный майский день. На рассвете ушли в поле труженики земли. Бабуся зажгли тондиры — печь ароматный хлеб. Трелью заливались птицы.

И вдруг прозрачный воздух рассекли лязг и грохот боевых машин, вертолетов, беспорядочные выстрелы. Со стороны азербайджанского села Гишлак показалась колонна БТРов и танков, за ними — десятки автобусов, военных грузовиков, милицейские «Уазики». Крайнее юго-западное село Арцахского края, Аревшат, сразу как бы стало машинным парком, наполнилось солдатами, азербайджанскими омовцами.

Было 13 мая 1991 года.

Аревшатцы, как и жители всех сел Арцаха, за последние 2—3 года часто вынуждены были принимать подобных незваных гостей, которые врывались в села под предлогом проверки паспортного режима и изъятия оружия, производили повальный обыск, фактически грабили население.

Подобные посещения стали обычными и для аревшатцев, поэтому в этот майский солнечный день каждый остался при деле, бабуся вынимали из раскаленного тондира краснощекие колобки хлеба, дети продолжали свою игру...

Разделившись на две группы, незваные гости стали врываться во все дома. Из колонны военных отделилась часть и двинулась на север, к селу Хин Тагер. Старшины остальных групп предъявили аревшатцам ультиматум: в течение трех дней оставить родные очаги и удалиться.

В тот же день подобные требования были предъявлены жителям армянских сел исторического Дизака: Хцаберда, Баназура, Аракела... а также всех сел Бердадзорского подрайона. Повсюду были произведены аресты, и азербайджанские тюрьмы наполнились сотнями безвинных молодых людей.

— К нам домой неожиданно заявились пятеро, — рассказывает председатель правления Аревшатского колхоза Артур Айрапетян. — Все они были знакомы мне: это были работники ОВД соседнего Джебраильского района. Один из них бросил три патрона в карман моего старого пиджака, висевшего на стене, позвал своих четырех дружков в качестве свидетелей, и меня арестовали. В начале я было думал, что разыгрывается шутка. Куда там, эта «шутка» стоила мне шести месяцев ада. Каким только унижениям, пыткам не подвергался я в изоляторах Джебраила и Физули, в тюрьмах Агдама и Шуши!.. То, что случилось с нами, невозможно описать...

Вначале села была обезглавлены: мужчины, руководители были брошены в тюрьмы, абсолютно оторваны от внешнего мира. А спустя три дня, т. е. 16 мая, начался настоящий кошмар: были буквально опустошены некогда цветущие Аревшат, Баназур, Аракел, Караглух, Цамцор, Саришен, Джраберд, Джилан, Бинятлу, Спитакашен, Петросашен, Каринг, исторический Цор. Стало добычей огня ущелье Хандзац. Упоявая на родные горы и леса, против произвола восстали Хин Тагер и Хцаберд. Восстали и устояли...

На следующий день толпы разграбленных, избитых армян достигли границы села Хндзореск в Армении. Здесь несчастных поджидало новое, более тяжкое и суровое испытание. По прихоти какого-то военного начальства депортированным и гонимым армянам не разрешили перейти границу в Армению.

Двое суток люди оставались под открытым небом, «в чистом поле, на просторе», без куска хлеба, глотка воды.

— Для нас самыми страшными были именно эти три дня, — в один голос заявляли все.

Боже, что творится в мире, неужели повторяются фашистские «гетто», Бухенвальд, Освенцим... С одной стороны — плотные ряды советских солдат, препятствующие входу армян в Армению, с другой — пьяные, озверевшие тюркские омовцы, толпы грабителей с дрессированными собаками... Внутри вражеского кольца притаились старики, женщины и дети, насильно депортированные из родных очагов.

Мне не помогло удостоверение журналиста. «Не положено» — тупой взгляд и дуло автомата. Подхожу к другой группе солдат, показываю старшине случайно оказавшийся в кармане значок с изображением креста и надписью на незнакомом языке. Показываю и тараторю на родном наречьи. Представляете, старшина в растерянности отдает честь, и я пробиваюсь сквозь плотные ряды автоматчиков в лагерь. Первым делом я ищу аревшатцев, большинство которых знаю в лицо, был гостем в доме у многих. Ведь дочери Нора и Гоар тети Парандзем стали невестами Аревшата.

Вот и они — в разорванных одеждах, с кровоточащими ранами...

— Ни о чем не подозревая, пришел домой обедать, — рассказывает Эдик Гаспарян. — Привязал коня к столбу, зашел в дом... Боже, что это? Будто случилось страшное землетрясение, в доме все побито: мебель, сервиз, стекла, утащили все, что возможно, даже рамы окон и двери. Со стороны двора послышался шум. Оказалось, что десятилетний отпрыск знакомого турка из села Исахлу Гасана упражняется в ловле моих кур. Скоро он изловил все сорок наших кур, ловко связал их в один ряд. Показался и сам Гасан со своей многочисленной родней. «Успокойся, кирва Эдик, — говорит, — это я забрал все, что было в твоём доме. А зачем оставлять другим?» С этими словами он сел на моего коня и ускакал к другим домам, чтобы проверить: все ли уже награблено?..

— Увели моих наседок, — сжавшись в комочек, горюет старушка. — Яйца уже потрескались, вот-вот должны были вылупиться цыплята... Увели моих наседок, — горестно повторяет старушка Нубар, краем фартука утирая слезы.

— Всех ограбили бандиты, — вторит ей 85-летняя бабушка Аненька. — И знаете кто они? Вчерашние наши пастухи из соседней деревни, турки. Многие из них выросли, объ-

едаясь нашим хлебом и называя нас «кирва» (побратим)...

С болью и страданием рассказывали они о своей Голгофе, о том, как прекрасное село Баназур, имеющее 350-летний подземный водопровод, каменные дома, школу, превратилось в руины и было основательно разграблено.

— Турок не смог бы войти в наши села, кабы не войска, не советские танки, вертолеты, — рассказывает бригадир из Джраберда Борис Севян. — Они связали нас по рукам и ногам, арестовали, бросили в азербайджанские темницы. Мы уверены, что часть награбленного досталась советским офицерам...

Вы слышите, высокопоставленные чиновники бывшей советской 4-й армии? Ты слышишь, командир 23-й дивизии, кровопиец Будейкин? Разве тебе мало было армянской крови Геташена, Мартуашена, Камо?... Новоявленный Талеат, ты хорошо усвоил приемы ярой арменофобии, но не мешало бы вспомнить, чем кончил Талеат...

Словно очнувшись, чувствую, кто-то тянет меня за подол. Боже, это крошка Мэри, трехлетняя внучка моей кузины! Обнимаю ее, целую обветренные щеки, шелковые волосы.

— Я боюсь, заведи нас отсюда, — бормочет она, ручонками обхватывая мою шею. — И бабушка боится, и мама, и Нелли. Я хочу домой...

Тут я вижу и дочерей тети Парандзем, Нору и Гоар со своими семьями: все побитые, ограбленные, поникшие... Красавица Аревик, невестка Норы, обняв годовалую дочь, съезжилась.

— Забрали моего Артура, — рыдалась Нора, — обманом увели сына-фидаина... Наверно уже растерзали его...

— Один турок подошел, отнял у меня Нелли, — рассказывает Аревик. — Я отдала все мои украшения, даже обручальное кольцо, чтобы вернули дочь. Я узнала этих извергов, они из соседней деревни, наши интернациональные «побратимы»...

Да, передо мной были люди, некогда уверенные мастера своего дела, своими руками создающие хлеб насущный и себе, и вероломному соседу, но уже успевшие за короткое время пройти все круги Дантова ада...

Сегодня тех же депортированных можно встретить разбросанными по всей Армении: в Ереване, Масисе, Варденисе, Октемберяне... с глубокой тоской в глазах и единственным вопросом на устах:

— Когда мы вернемся в наши села, когда?..

Грант АМИРЯН,
секретарь землячества «Арцах».

Степанакерт. Жизнь в подвалах.